

Георгий НИПАН

ГОРЯЩИЕ УГЛИ

(Из цикла «Небиблейские рассказы»)

– Итак, если враг твой голоден, накорми его; если жаждет, напой его: ибо, делая сие, ты соберешь ему на голову **горящие уголья**.

Апостол Павел, «Послание к римлянам» 12:20

– Я только хотел показать тебе, что я не так уж плох. **Горящие уголья**, знаешь ли¹.

Джек Лондон, «Конец сказки»

«Что за сон такой, где все трясется и грохочет? Голова гудит, словно черти дубасили по ней бейсбольными битами, а руки и ноги словно чужие», – несколько секунд Дина Юматова лежала с открытыми глазами, сопоставляя незнакомый ребристый потолок, головную боль и затекшее тело, завернутое в одеяло и скрученное поверх одеяла простыней. На двадцать пятом году жизни странно ощущать себя туго запеленатым младенцем! «Младенцу полагается подгузник, мне бы он сейчас тоже не помешал», – подумала Дина, но прижатые к телу руки обнаружили только длинную майку. Она приподняла голову и осмотрелась: рядом в одних трусах и с лиловым синяком под глазом, скрючившись, валялся Кай – любимый мужчина и надежный друг, в миру Алексей Кайдановский, непредсказуемый сотрудник газеты «Сибирский валенок» и непосредственный подчиненный. «Уже хорошо!» – отметила про себя Дина. Впереди над креслами торчали два бритых мужских затылка, за ними виднелась голова в шлеме. «Вертолет!» – определилась Дина. Левый затылок был хорошо знаком: с детства маячил перед глазами. Его обладатель – Олежка Лукин – сидел за второй партой прямо у окна, как раз перед ней, Диной Юматовой, которая бредила сказками Андерсена и примеряла сказочных персонажей на всех окружающих. Она использовала формальный подход и называла Лукина Оле-Лукойе, а его соседку по парте, белокурую кукольную Снежану Кроль, – Снежной Королевой. Сама Дина была Дюймовочкой, и ее голова все время была повернута в сторону окна. Она ждала Ласточку, чтобы улететь от этой серой школьной скуки в светлую страну эльфов. Сердобольные тройки по всем учебным дисциплинам, кроме литературы, не нарушали ее внутреннего покоя. Смятение внес новый одноклассник, он же новый сосед по парте отвязный Лешка Кайдановский. Его появление ознаменовалось дракой с Оле: «Олежка – дерьма тележка! Она точно Дюймовочка, но ты не Оле-Лукойе, ты – Крот, тупой, черный Крот, который к ней подкапывается!» Крепкий Лукин вошел в раж, и его с трудом оторвали от сублильного Лешки, который насмешливо повторял разбитыми в кровь губами: «Что, Крот, боишься света?»

Неугомонный Кайдановский за один день успел многое. На геометрии какую-то теорему про треугольники доказал не так, как в книжке: «Этот учебник – полный отстой!» – и математичка, к всеобщей радости, оставшуюся часть урока сообража-

¹ В общепринятом переводе Н. Аверьяновой вместо фрагмента идиомы «собирать горящие уголья на чью-то голову» приводится упрощенная расшифровка.

ла над его доказательством. Добрую, но тормозную Лену Боровикову на зоологии обозвал «Бледноборовиковой из отряда головозадых». Лена сказала, что головоногие те, у кого голова рядом с ногами, а оказалось, что это всякие кальмары-осьминоги. Потом была история, и Лешка самозабвенно рассказывал про Великую Французскую революцию, а умница и красавица учительница Настенька Дмитриевна внимала ему вместе с ошеломленным классом. Кайдановский не стал перечислять события, фамилии и даты: он перенес своих слушателей и зрителей в мятежный Париж. Ожившие Робеспьер, Марат, Дантон произносили речи, спорили, писали манифесты, приговаривали новых врагов или бывших друзей к смерти и сами погибали под ножом гильотины или от ударов кинжала.

Когда, к концу урока, Максимилиана Робеспьера казнили термидорианцы, Дина отчетливо увидела его окровавленную голову, скатившуюся в проход между партами, и упала в обморок.

Она очнулась от резкого запаха нашатырного спирта.

– Все хорошо, Диночка! – успокаивала Настенька Дмитриевна. – Следующий раз, когда Кайдановский будет рассказывать о революции или войне, я заблаговременно выведу всех девочек из класса.

На уроке русского языка писали диктант. Лешка во время проверки молча взял у Дины авторучку и зачеркнул в ее писанине две буквы.

– Исправляй! Здесь «е», а не «и». Здесь «о», а не «а». Эх ты, сказочница! Грамотно по-русски писать не можешь!

Дина не стала исправлять, молча закрыла тетрадь и отвернулась к окну. Прозвонел звонок. Кайдановский без колебаний выдрал два листа с диктантом из своей тетради и отнес вместе с Дининой на учительский стол.

– Дюймовочка! – Лешка осторожно тронул ее за плечо.

Дина повернулась к этому чертовому Кайдановскому и с вызовом посмотрела на него глазами, полными слез. Пусть смеется, если хочет! Это же Кай! Насмешник Кай! Она сразу догадалась, как только его увидела. Только не хотела верить, что отныне и навсегда она Герда, а не Дюймовочка, и что не будет короля эльфов, а будут долгие и тяжелые поиски Кая.

– Это не беда, – неожиданно серьезно сказал Лешка. – Ганс Христиан Андерсен был ужасно безграмотным. Некоторые издатели даже не хотели его печатать, а он плевать хотел на этих грамотеев, не сочинивших ни одной сказки. Не обижайся! Ты ведь знаешь, что я...

– Знаю! – прервала его Дина. – Ты – Кай!

После обеденного перерыва настал черед английского. Безнадежные попытки молодой Агнешки-декабристки – Агнии Юрьевны, попавшей из Питера в глухомань вместе с мужем-свежеиспеченным лейтенантом, – научить прагматичных сибирских школьников азам чужого языка наткнулись на полное безразличие.

– Ребята, как вы не понимаете! – горячо убеждала равнодушный класс Агнешка. – Английский – язык международного общения. Он вам поможет в экстремальной ситуации.

– Ну да, – однажды заметил невозмутимый якут Саша Семенов, – заблужусь я как-нибудь в тайге. Похожу-похожу, встречу канадского лесоруба или американского нефтяника и спрошу: – Эй, бой, как тут к морю Лаптевых выйти?

Агния Юрьевна под всеобщий хохот только развела руками.

Однако ее не зря прозвали «декабристкой»: она настойчиво продолжала распространять свое знание среди несовершеннолетних российских аборигенов, словно чувствовала, что на тернистом пути просвещения однажды обретет поддержку.

– I see new face, – сказала Агнешка, осмотрев класс. – Whats your name, boy? – обратилась она к Лешке.

– My name is Alexey Kaydanovsky! Im twelve years old and I come from Iraq, – приподнявшись, ответил Кай на все стандартные вопросы сразу и сел, полагая, что английский язык Агнии Юрьевны ограничивается рамками учебника, раскрытого Диной Юматовой.

Он ошибся. Агнешка не остановилась. Вначале Кай отвечал на ее вопросы односложно, а потом увлекся беседой и рассказал, что родители отправили его в Россию, когда американцы начали обстреливать Багдад. Папа – специалист по нефтедобыче, а мама – врач-инфекционист. Очень не хотелось от них уезжать, но в Багдаде сейчас невозможно учиться, поэтому он оказался в этой сибирской школе. Здесь живет бабушка, а в Москве у него нет никакой родни. По-арабски не говорит, но немного знает фарси, так как до Ирака родители работали в Иране.

На вопрос Лешки, откуда у Агнии Юрьевны такой чудесный английский, Агнешка в свою очередь объяснила, что в институте английский был ее основным языком, и она почти год стажировалась в Великобритании. На первых порах, из-за недостаточного владения разговорным языком, иногда попадала в нелепые ситуации. Агнешка, описывая в лицах комичные случаи, развеселилась, как смешливая девчонка, а Кай хохотал до слез.

Класс тихо хлопал ушами. Потом Агния Юрьевна спохватилась, что пора начинать обучение. Во время урока, когда кто-нибудь ошибался или просто не мог выполнить ее задание, она обращалась к Лешке, который сразу понял ее педагогическую идею и безо всякой издевки над неучами приходил им на помощь.

Последней была география, которую вел директор школы Геннадий Федорович. Он всегда начинал урок с событий в мире.

– Ну, россияне, что нового в отечестве и за рубежом?

Обычно «россияне» молчали. Они смотрели МузТВ или MTV, полагая, что информационные программы предназначены для родителей. Геннадий Федорович сам рассказывал о последних событиях, но при этом отправлял кого-нибудь к географической карте, предлагая показать место или страну, где эти события произошли или происходят.

– В Афганистане войска НАТО вели бои с талибами в южных провинциях Гильмед и Урузган. В основном работала авиация. – Лешка подошел к карте обвел электронной указкой коричневые пятна.

– Ну, и кто же такие талибы? – спросил Геннадий Федорович.

– Талибы, дословно – «изучающие ислам» – пуштунские студенты из религиозных школ, составившие основу вооруженного движения «Талибан», созданного муллой Омаром во время гражданской войны в Афганистане в 1992 – 1996 годах. – Кай выдал краткую справку и вернулся на свое место за партией.

– Так-так, – сказал Геннадий Федорович, – похоже, что твоя бабушка не шутила, когда сказала, что ты собираешься стать военным журналистом.

– Да! – подтвердил Кай. – Не шутила.

Через пять лет он отправился в Москву поступать в Институт военных переводчиков, и Дюймовочка в первый раз потеряла Кая. Она не могла уехать вместе с ним, потому что мама в своей тяжелой болезни вышла на финишную прямую. В столицу тихой сапой отправилась Снежана Кроль. ГИТИС, ВГИК, Щукинское и Щепкинское отказались от услуг еще одной куклы Барби, однако, обладая многочисленной состоятельной родней, Снежана осталась в Москве и через год женила на себе Кая. Им как раз исполнилось по восемнадцать лет.

– Снежная Королева умчала Кая в свои чертоги, – невесело пошутила Дина, узнав эту новость.

Мамы уже не было, и Дюймовочке было так больно и одиноко, что она согласилась выйти замуж за Лукина. Крот все-таки до нее докопался!

Бракосочетание пришлось на декабрь. Лукин подарил Дине роскошную шубу и предложил ехать в ЗАГС, а затем в церковь не на машинах, как все лохи, а на тройках лошадей. Дине было все равно.

Под звон колокольчиков, рев гармошек и треньканье балалаек, в сопровождении кавалькады лубочных всадников, свадебная процессия примчалась в ЗАГС. Настоящими были белый-белый снег, поскрипывавший под ногами, и легкий мороз, чуть обжигавший щеки. Дородная тетка через десять минут объявила Олега Лукина и Дину Юматову мужем и женой. Новобрачные вернулись в нарядные сани, и лошади понесли их к церкви.

Для того чтобы настроить Дину на сказочное, как полагал Лукин, действие венчания, был припасен главный подарок. Волшебный!

Они остановились на полдороге в заснеженном поле. Лукин снял с Дининых ног белые туфельки и надел на них валенки, потом достал из-под сидения коробку, завернутую в теплый плед, и сказал:

– Это подарок от Оле-Лукойе. Выйди на нетронутый снег и открой.

Дина вылезла из саней и пошла по белоснежному насту, протаптывая валенками тропинку. Метрах в десяти от саней она остановилась, поставила свою ношу на снег и откинула плед. Появилась картонная коробка с черной кнопкой. Дюймовочка нажала на кнопку. Откинулась крышка, а затем боковые стенки, и из коробки вылетело сверкающее облако.

Это были разноцветные тропические бабочки. Они кружились, пытаясь разлететься, и падали замерзшими цветками на белый снег. Свадебные гости визжали от восторга, а Дюймовочка кричала: «Они же живые», – и, сбросив шубу, собирала в нее бабочек. Заледеневшие крылышки ломались, и, отчаявшись спасти всех бабочек, она поймала раскрытыми ладонями последнюю, самую сильную, летунью. Большая зеленая бабочка еще могла ползать, и Дюймовочка, прикрыв ладони, попыталась согреть ее своим дыханием. Но тщетно, дыхание зимы было сильнее. Из опустившихся рук выскользнул зеленый листик, а с Дюймовочкой началась истерика. Она рухнула в снег, нашептывая в исступлении: «Я тоже хочу замерзнуть».

Подбежавший Лукин поднял ее и принялся утешать.

– Дина, ну что ты! Да, плюнь ты на них! Не сегодня, так завтра они все равно содохнут!

Но Дюймовочка уже ничего не слышала. Вместо церкви ее пришлось везти в клинику неврозов. Они так и не повенчались. После двух недель, проведенных в больничной палате, Дина уже ничего не хотела. Все попытки Лукина организовать номинальный семейный очаг потерпели фиаско. Тень Дюймовочки, сопровождаемая телохранителем, бродила по городу, вызывая искреннее сочувствие у людей, знающих ее, или злорадное шипение у недоброжелателей Лукина. Ведь она числилась женой преуспевающего торговца лесом.

Но однажды, когда Дина забрела на их с мамой квартиру, раздался телефонный звонок.

– Дюймовочка! Как хорошо, что я тебя, наконец, застал! – сказал такой знакомый, такой родной голос. – Ты слышишь меня, Дюймовочка?

– Слышу! Слышу! – закричала Дюймовочка. – Где ты, Кай? Мне так плохо без тебя! – словно прорвалась мерзкая серая паутина, обволакивавшая ее чувства, и она заплакала.

– Я на войне. В горах, – глухо сказал Кай. – Я буду тебе звонить каждую субботу примерно в это же время, а потом приеду. Обязательно приеду. Ну, все, нам пора сматываться...

Раздались странные хлопки, и связь прервалась.

«Это выстрелы», – поняла Дюймовочка.

Она принялась лихорадочно набирать телефонный номер. Длинные гудки на другом конце провода казались ей похожими на сирену «Скорой помощи».

– Я слушаю, – вдруг донеслось из телефонной трубки.

– Мария Сергеевна! Мария Сергеевна! Это я, Дина! Где Лешка? Что с ним? Ой, извините, я не поздоровалась. Здравствуйте!

– Диночка, как хорошо, что ты позвонила! Он все время спрашивает о тебе, а я не знаю твоих новых телефонов: ни домашнего, ни мобильного.

– Можно, я к вам зайду? Прямо сейчас зайду.

– Конечно, деточка!

Дюймовочка бежала к бабушке Кая, натываясь на прохожих, не реагируя на ругательства и ответные толчки. Телохранитель еле за ней поспевал. Кай вернулся!

До глубокой ночи они вместе с Марией Сергеевной смотрели DVD с военными репортажами, отснятыми Каем. Он работал оператором съемочной группы одного из каналов итальянского телевидения. Их собственный оператор был ранен и отправлен в Италию. У бабушки оказались подстрочники всех телерепортажей, и Дина пробегала глазами распечатанные тексты. В одном из них комментатор в промежутках между гулками разрывами и пулеметными очередями говорил:

– Вы бы не увидели эти кадры, если бы не наш русский оператор Кай. Второго такого «сорвиголовы» нет ни в одной из съемочных групп.

Дина прожила три дня в сплошном тумане. Ей всюду мерещился Кай. Наступающая суббота представлялась волшебным праздником. Надо отправиться на ночевку в свою квартиру в пятницу вечером, чтобы не пропустить телефонный звонок. Как жаль, что Кай не успел спросить, а Дина забыла сказать ему номер своего мобильного. Теперь она исправит эту оплошность, и Кай сможет ей звонить при первой же возможности, как только окажется в зоне доступа.

Праздник не состоялся. В среду позвонила Мария Сергеевна.

– Диночка, такое несчастье... Такое несчастье! Их взяли в заложники, – дальше бабушка не смогла спокойно говорить. Рассказ прерывался всхлипыванием, но в конце концов Дина узнала, что за съемочную группу похитители назначили выкуп. Владелец телеканала согласен выкупить итальянцев, но за Кая он не собирается платить. Третий выкупа – треть миллиона долларов – надо где-то взять. Срок истекает через неделю. Родители Кая уже в Москве и продают за триста тысяч свою квартиру, Мария Сергеевна тоже будет продавать квартиру, но за нее не дают больше пятнадцати тысяч. Где-то надо срочно доставать еще двадцать тысяч долларов.

– Мария Сергеевна! Мария Сергеевна! Я продам свою однокомнатную. Кому надо звонить?

– Диночка, спасибо тебе, детка! Телефон агентства по недвижимости – пять троек. Там у них такой хороший мальчик Игорь Агафонов, можно обращаться прямо к нему. Сын заработает на прокладке этих своих нефтепроводов, и мы тебе все вернем, до копейки, но я знаю вашу с мамой квартиру. За нее не дадут и десяти тысяч.

– Мария Сергеевна, я найду недостающие деньги! – Дина повесила трубку и достала из сумочки мобильник.

– Лукин, мне срочно нужны деньги. Много денег. Пятнадцать тысяч долларов.

– Зачем?

– Это мое дело!

– Хорошо! Когда вернешь?

– К концу жизни. Буду спать с тобой, пока не сдохну.

– Интересное предложение, но мне проще нанять проститутку. По крайней мере, она будет отрабатывать эти деньги честно. Зачем тебе пятнадцать тысяч?

– Ладно, скажу! Чтобы выкупить Кая! – и Дина все подробно рассказала.

– Так, – сказал Лукин, – теперь слушай сюда. В память о нашем детстве я покупаю у тебя квартиру за тридцать три тысячи долларов. Ты немедленно мне ее освобождаешь, а я немедленно звоню Марии Сергеевне. Незачем ей ночевать на вокзале. – Лукин закончил разговор.

К счастью, собранная родителями и бабушкой Кая треть миллиона не понадобилась. Съемочную группу итальянского телевидения освободили российские

десантники. Бесплатно. Дина вернула Лукину деньги и насовсем перебралась в свою квартиру. Кай увязался за десанниками в качестве внештатного корреспондента какой-то молодежной газеты и около месяца просто писал репортажи, пока на одном из блокпостов не оказался в осаде. На его глазах пуля пробила голову Диогену, недоучившемуся студенту-философу, с которым они десять минут назад трепались о последних музыкальных новинках. Кай вытащил АКМ из еще теплых рук Диогена и принялся стрелять очередями по набегающим фигурам.

Он провоевал около трех месяцев, пока осколок мины не изуродовал его левую руку чуть выше локтя. Ранение оказалось тяжелым, требовалось длительное восстановление, и после госпиталя он приехал к бабушке, а точнее к Дине.

Дюймовочка к этому моменту организовала экологическую газету «Сибирский валенок». Сама она специализировалась на разоблачении олигархов, «хищнически разрушающих хрупкую таежную сказку». Кайдановский тут же подключился к редакционной работе, и именно он придумал Дине Юматовой псевдоним «Дюма'-дочь». Как только рука зажила настолько, что Кай смог обходиться без медиков, он принялся совершать дальние рейды к нефтяникам, дорожникам, лесозаготовителям. Тут ему весьма пригодился военный опыт, так как в поисках быстрого и большого заработка люди не сильно переживали из-за поломанных кедров, нефтяных пятен на реках и в лучшем случае встречали спецкора отборным матом, а в худшем дело доходило до стрельбы из охотничьих ружей. Кай не оставался в долгу: выбитые зубы, три сломанные челюсти и одна рука, в которой был зажат нож, упрочили его боевую славу.

Популярность газеты росла, Кай все дольше задерживался по вечерам в квартире Дины, а потом просто остался. Оба они, Дина и Кай, были не разведены, но общественное мнение их волновало мало. Было одно молчаливое соглашение, бросавшее пятно на репутацию газеты. По этическим соображениям они не трогали лесоторговца Олега Лукина. До тех пор, пока он сам не занялся вырубкой.

Но вот во вчерашнем выпуске «Сибирского валенка» появилась статья «Заготовитель банкнот», а уже ночью их, спящих, связали и теперь куда-то везут на вертолете. Руки Кая заломлены за спину и стянуты на запястьях скотчем. Судя по всему, он сумел кому-то вмазать ногой, и похитители, на всякий случай, связали ему лодыжки.

– Кай! – шепотом позвала Дина.

Никакого эффекта! «Мудрено что-то услышать при таком шуме», – подумала Дина и боднула его головой в плечо. Кай спросонья замотал головой и попытался сесть, но это ему не удалось.

– Что за хе...ня? – спросил он, сердясь, у самого себя и уставился подбитым глазом на Дину. – Где мы?

– Похоже, что в плену! – ответила Дина.

– Давно не был, – сказал Кай, – хоть отосплюсь в кои-то веки!

– Ты можешь хоть к чему-то относиться серьезно?

– Могу, к тебе!

– Нас похитил Лукин!

– Да ну!

– Точно! Вон его бритая башка!

– Верно! Крот собственной персоной. Ну, все, неверная жена! По законам сибирского шариата закидает тебя кедровыми шишками.

– Хватит ерничать! Я пи'сать хочу!

– Лукин, – крикнул Кай.

Две бритых головы повернулись на крик.

– Ну, что орешь? – спросил Лукин.

– Подойди, интимный разговор есть!

– Ну, что надо? – Лукин присел возле них на корточки.

- Девушка в туалет хочет!
 - Здесь нет сортира, а горшок для нее я не захватил. Пусть потерпит, скоро прилетим.
 - Я очень хочу! – не выдержала Дина.
 - Ладно, обещаешь, что не будешь делать глупостей?
 - Обещаю!
 - Хорошо! Тебе верю. Сейчас тебя распеленаю, открою дверь, и поливай елки. Скажу пилоту пролететь по макушкам, чтобы еловые лапы твою задницу отхлестали.
 - Меня тоже освободи! Кто ее держать за руки будет?
 - Тебе не верю! Сам буду ассистировать. Как-никак родная жена.
 - Ну, ты и гад, – сказал Кай. – Олежка – дерьма тележка!
- Лукин развязал веревку и снял с Дины простыню.
- Так, Кабан, морду отвернул! – крикнул Лукин телохранителю и отодвинул крышку входного люка. – И тебя, Кайдановский, это касается. Не мешай интимной близости супругов.

Через некоторое время Лукин спросил:

- А что, Кай, попытался бы ты за ней броситься, если бы я руки ее отпустил?
- Я бы попытался тебя выпихнуть следом!
- Всегда знал, что ты не Ромео! Только себя любишь: свое геройство, свои таланты! Ты никогда не сделаешь женщину счастливой. Тебе почитательница нужна. Фанатка.
- А ты бы бросился за ней!
- А я бы бросился. У меня даже к тебе ненависти нет, раз ты ей нужен.
- Может быть, и мне можно принять участие в дискуссии, – вклинулась Дина.
- Кто тебя спрашивает? Ты же Дюймовочка. Дюймовочка при Кае, – сказал Лукин. – Ладно, теперь по существу! Мне плевать, что вы вместе спите: бывшая жена и бывший друг...
- Ты мне никогда не был другом, – прервал его Кай.
- Я тебе не был другом, а ты мне был. Не перебивай, дай договорить! Плохо, что дело губите. Ведь вы – белоручки. Она картофелину не очистит, а ты гвоздь не забьешь! Эта дешевая статейка может оставить без работы сотни людей, а значит, сотни семей без куска хлеба. Вы эту природу любите издали, пускаете сопли, любясь березками на экране телевизора.

Я вам обеспечу полный контакт с живой природой. Наслаждайтесь ею до последнего вдоха.

Вертолет принялся снижаться и, наконец, приземлился посреди большой поляны, утыканной пеньками. Впрочем, в центре вырубки одиноко торчала ель, а под ней – большой муравейник. Лукин взял босоногую Дину на руки и понес к елке, ступая по мелким сучьям и шишкам, которыми была сплошь усеяна вырубка. Кабан взвалил Кая на плечо и пошел следом.

– Так, свяжи их за руки скотчем, спинами к древесному стволу, – скомандовал Лукин. – Понял? Ее левую руку с его правой рукой, а ее правую руку с его левой рукой. Пусть, если смогут, водят вокруг елки хоровод, но друг друга не видят. Проследи, чтобы Кайдановский не мог дотянуться до скотча зубами, и освободи ему ноги.

– Ну что, дорогие мои! – подвел итог Лукин. – Оставляю вас наедине с природой. Через недельку прилечу. Вам не понадобятся «сто лет одиночества». Помните предсказание Мелькиадеса: «Первый в роду будет к дереву привязан, последнего в роду съедят муравьи...». Вы первые и последние из рода гадящих мне писк. Да, еще для вас сюрприз! Чтобы расшевелить ленивых муравьев, я привез Хоботова. Он составит вам компанию. Кабан, неси!

Телохранитель Лукина вытащил из вертолета большую клетку и поставил ее рядом с муравейником. Из открытой решетчатой дверцы высунулся длинный нос, который перешел в трубкообразную голову, потом появилось узкое тело, покрытое жесткой черно-бурой шерстью со светлыми пятнами, и, наконец, длинный пышный хвост. Странное животное, размером с большую собаку, принялось передними лапами с острыми когтями разрушать муравейник и длинным круглым языком слизывать его обитателей.

– Да это муравьед! – воскликнула Дина

– Большой муравьед *юруми*, редкий, охраняемый вид, – уточнил Кай.

– Вы оба ошибаетесь, – сказал Лукин, – это мой друг, Хоботов. Он добрый, но не советую пинать его ногами: может полоснуть когтями до кости.

– Хоботов, до встречи! А вы, друзья, прощайте!

Лукин и Кабан забрались в вертолет. Детище Игоря Сикорского облетело поляну и скрылось из виду. Не теряя времени даром, Хоботов разворочил муравейник до основания. Часть муравьев, спасаясь от его длинного языка, покрытого липкой слюной, устремилась к елке.

– Ой! Щекотно! – запричитала Дюймовочка. – Муравьи бегут прямо по ногам.

– Терпи, – сказал Кай. – Вот ведь принцесса на горошине! Будешь ругаться, они в поисках убежища к тебе в попку заползут или еще куда-нибудь. То-то будет жечь!

– Кай, мы что, превратимся в белые скелеты?

– Не сейчас! Лукин вернется за тобой!

– Почему?

– Почему! Потому, что любит тебя!

– А ты? Не молчи! Скажи!

– Не знаю, – произнес Кай.

– А я знаю, что не любишь.

Хоботов заинтересовался потоком насекомых, убегающим по еловому стволу, и принялся слизывать муравьев с Дининых ног.

– Ой! Лезет под майку своим противным языком!

– Не брыкайся! Лукин тебя предупредил. Это всего лишь язык.

– Ну и лез бы к тебе в трусы!

– Он нормально ориентированный пацан и помогает красивой девушке.

Наконец Хоботов съел всех муравьев и решил отдохнуть после праведных трудов. Улегся на бок на месте бывшего муравейника, засунув голову между передними лапами и прикрывшись пушистым хвостом. Но спал он недолго. Послышался гул вертолета. Это возвращался Лукин.

– Ну что, писатели мои ненаглядные, гордецы мои нестигаемые? Можете теперь писать большую статью о давлении на журналистов, об угрозах и издевательствах. Все, спектакль окончен! Валите домой, сочинять сказки. Освободи их, Кабан.

Лукин снял пиджак и присел, облокотившись на лежащего Хоботова. В руке он держал фигурную бутылку, из которой время от времени отхлебывал коньяк.

– Кабан, оставь мне еще пузырь и «Шмеля». Завтра утром нас с Хоботовым заберете!

– Шеф, может, лучше вечером?

– Я сказал – утром!

Пока Дюймовочка и Кай шли к вертолету, Кабан принес Лукину длинную пластиковую трубу и свежую бутылку коньяка.

– Стоп, – сказал Кай, – я остаюсь!

– Кай, ты что? – спросила Дюймовочка.

– Знаешь, что он притащил Лукину вместе с коньяком?

– Нет!

– Реактивный огнемет «Шмель»!

Кабан, не обращая внимания на отчаянное сопротивление, принялся запихивать Кая в вертолет.

– Ты что, не понимаешь? Зеленые бумажки тебе глаза залепили, – кричал Кай Кабану. – Он же никакой! Он же сейчас смертник – камикадзе.

– Ладно, Кабан, отпусти Кайдановского, а то его человеколюбие пострадает! Дай ему в руки еще одну бутылку и вытолкни из вертушки. Дюймовочка, не переживай! Завтра он вернется. Мужичку надо расслабиться! Считай, что Кай пошел на охоту.

– Дюймовочка, все будет хорошо! Улетай! Нам с Оле надо поговорить.

Кай и Лукин пристроились возле Хоботова. Они пили коньяк из горла, не закусывая. Впрочем, из закуски были только еловые шишки. Пили и спорили. Начало смеркаться.

– Пора! – сказал Лукин.

Он взвалил на плечо «Шмеля». Кай захватили бутылку с остатками коньяка, а пустые бутылки аккуратно сложил под елью.

– На кого будем охотиться? – спросил Кай у Лукина.

– Сейчас увидишь! Тут недалеко.

Они отошли от елки метров на сто и остановились. Подождали, когда прикослапит муравьед. Образовалась живописная троица: мужчина в шикарном костюме с огнеметом, мужчина в одних трусах с бутылкой коньяка и лохматый *юруми*.

Лукин развернулся, приладил к плечу огнемет и стал целиться в одинокую ель.

– Олег, ты болен!

– Ты прав! Память пожирает мой мозг, как злокачественная опухоль! Буду выжигать воспоминания дотла.

– Подожди! Ты же никогда не стрелял из «Шмеля». Если ты попадешь в тонкие ветви вдали от ствола, то граната пролетит сквозь крону и подожжет лес на противоположном краю вырубki. Будет большой пожар.

– Хорошо! Давай ты! По моей команде! – Лукин протянул огнемет Каю.

– Готов?

– Да!

– Жги!

Ель вспыхнула, как огромный факел. Троица подошла к полыхающему дереву настолько близко, насколько позволял исходящий от него жар. Хоботов опять завалился на бок. Лукин устроился рядом, обняв муравьеда руками и уткнувшись лицом в жесткую гриву.

– Новая версия сказки Андерсена «Ель», – прошептал Кай, замороженный пламенем гигантской спички.

– Оле! Брат! – Кай присел рядом на корточки и потряс Лукина за плечо. – Ты ничего не изменишь, даже если сожжешь весь этот лес. Она тебя не полюбит. На, выпей еще!

Лукин приподнялся и снял пиджак.

– Слушай, белая безволосая обезьяна! Тебя трясет от холода. Одних трусов мало. Накинь пиджак и сядь на теплого Хоботова. Что я скажу моей жене, если ты простудишься?

Кай не простудился, но после памятной ночи «Горящей ели» перебрался от Дины к бабушке Марии Сергеевне и ушел из газеты: «вечный бой» ему прискучил. У бабушки он прожил меньше недели и отправился в загадочный Непал. Какое-то время Мария Сергеевна получала от него короткие SMS-сообщения, но потом и эта ниточка связи оборвалась. Скорее всего, Кай, в поисках Просветления, обосновался в одном из буддийских монастырей Тибета.

Дина еще активнее принялась клеймить олигархов в своих статьях. На нее обратили внимание активистки движения «Женский голос», и очень скоро ей некогда

стало писать газетные статьи. Она пополнила ряды пламенных трибунов: принялась разоблачать «сибирских экоглобалистов» на собраниях и митингах. Надо полагать, что когда-нибудь ее выступления услышат в Госдуме, а затем, чем черт не шутит, на международных экологических конгрессах.

Лукин построил деревообрабатывающий комплекс, а затем мебельный комбинат, оснащенный финским оборудованием. Ему удалось убедить руководство края, что выгоднее продавать за рубеж изделия а'ля ИКЕА, а не сырую древесину. Конечно, за ним накопилось много грехов, но он не стал их замаливать, отстегивая деньги на строительство храмов, а создал современный ожоговый центр, который назвал «Опаленное сердце». Во время очередного патронажного визита в центр ему представили молодую женщину, которая категорически отказалась снять с головы полупрозрачную накидку. Ожоги изуродовали ее лицо, и врачи опасались суицида. Лукин, не миндальничая, заявил пациентке, что прежде чем вешаться или травиться, она должна отработать лечение, так как получается, что возились с ней за его деньги напрасно. В этой связи у него возникло предложение: после выписки женщина поступает к нему в домработницы сроком на два года.

Золушку, так назвал Лукин новую домработницу, полюбил Хоботов. Он не отходил от нее ни на шаг и все время путался под ногами. Однажды Лукин был вынужден проторчать дома несколько дней: проходя мимо бревен в распиловочном цехе, не заметил торчащего сука и распорол мышцы правой голени. Золушка вечером следующего после происшествия дня, несмотря на ругань пострадавшего, принялась менять повязку на его ноге. Лукин стянул накидку с ее склонившейся головы и поцеловал в темя:

– Я знаю, какое у тебя настоящее лицо, и эта маска меня не испугает.

– Ну, да, – сказала Золушка, – ведь Железный Дровосек никого и ничего не боялся, даже Страшила Мудрого с размытым лицом.

– Я из другой сказки. В ней были Дюймовочка, Кай, Снежная Королева и Оле-Лукойе.

– Милый Оле! Ты никогда не сможешь поцеловать меня в губы. Их нет! Они расплавились вместе с носом. Не надо из жалости записывать меня в твою сказку! Я буду возле тебя еще год, восемь месяцев и пять дней. Ни днем больше!

Горящие угли не вернут мое лицо.